

ЭДВАРД
ПАЛМЕР
ТОМПСОН

Моральная экономика английского простонародья в XVIII веке¹

Кто удерживает у себя хлеб, того клянет народ; а на
голове продающего – благословение.

Притчи 11:26

Эдвард Палмер Томпсон (1924–1993) – британский историк и публицист, один из крупнейших представителей «новых левых», внесший существенный вклад в развитие западного марксизма, автор книг «Уильям Моррис» (1955), «Становление английского рабочего класса» (1963), «Уильям Блейк» (1993).

I

В последние годы Джордж Рюде и другие исследователи предостерегали нас от вольного употребления термина «чернь». В этой статье я хотел бы распространить это предостережение и на термин «бунт» (*riot*), особенно когда речь идет о продовольственных волнениях в Англии XVIII века.

За этим простым и коротким словом скрывается представление о народной истории как о «спазматическом» процессе. Согласно этому взгляду, вплоть до Французской революции простые люди едва ли обладали исторической агентностью и лишь изредка, «спазматически» проникали на историческую сцену во времена внезапных социальных потрясений. Эти проникновения были скорее компульсивными, нежели сознательными (*self-conscious*) или свободными (*self-activating*) актами: их можно описать просто как реакцию на экономические стимулы. Достаточно упомянуть плохой урожай или спад в торговле, как все требования исторического объяснения полагаются удовлетворенными.

К сожалению, даже среди немногих британских историков, расширивших наши представления о такой народной активности, нашлись те, кто поддержал это «спазматическое» представление. Они поверхностно осмыслили материалы, которые сами же и собрали. Макс Белофф следующим образом комментирует продовольственные волнения начала XVIII века:

«Это негодование, когда сочетание безработицы и высоких цен делали условия невыносимыми, находило выход в нападениях на торговцев зерном и мельников – нападениях, которые зачастую, должно быть, вырождались в простой предлог для совершения преступлений»².

¹ Сокращенный перевод выполнен по: THOMPSON E.P. *The Moral Economy of the English Crowd in the Eighteenth Century* // Past & Present. 1971. Vol. 50. № 1. P. 76–136.

² BELOFF M. *Public Order and Popular Disturbances, 1660–1714*. London: Oxford University Press, 1938. P. 75.

Но тщетно будем мы искать у него доказательства частоты этого «вырождения». Роберт Уирмут в своей ценной хронике беспорядков допускает лишь одну объяснительную категорию: «нужда»³. Джозеф Сайкс и Томас Эштон прибегают к патерналистским аргументам в исследовании продовольственных бунтов среди угольщиков: «[их] следует объяснять чем-то более элементарным, нежели политика: это была инстинктивная реакция мужской натуры на голод»⁴. Волнения определяются в качестве «бунтов живота», и это предположение почему-то считается удовлетворительным объяснением. Линия анализа такова: элементарное – инстинктивное – голод. Чарльз Уилсон продолжает эту традицию: «Спазматические скачки цен на продовольствие спровоцировали лодочных перевозчиков угля на реке Тайн на бунт в 1709 году, шахтеров с оловянных рудников – на разграбление амбаров в Фалмуте в 1727-м». Один «спазм» вел к другому: исходом стало «разграбление»⁵.

На протяжении десятилетий и вплоть до сегодняшнего дня систематическая социальная история плелась в хвосте истории экономической – предполагается, что квалификация во второй дисциплине автоматически наделяет специалиста компетентностью в первой. Поэтому не приходится жаловаться, что современная наука имеет тенденцию к изощренной обработке и квантификации материала, который сам по себе плохо понят. Главой «спазматической» школы является Уолт Ростоу, предложивший в 1948 году достаточно грубый «график социальной напряженности»⁶. С его точки зрения нужно лишь сопоставить индекс безработицы и индекс цен на продовольствие, чтобы определить динамику социальных волнений. Подобный подход содержит самоочевидную истину (люди протестуют, когда они голодны): «график сексуальной напряженности» с тем же успехом показал бы, что увеличение сексуальной активности коррелирует с наступлением половой зрелости. Возражение заключается в том, что подобный график при неразумном ис-

- 3 WEARMOUTH R.F. *Methodism and the Common People of the Eighteenth Century*. London: Epworth Press, 1945. Ch. 1, 2.
- 4 ASHTON T.S., SYKES J. *The Coal Industry of the Eighteenth Century*. Manchester: Manchester University Press, 1929. P. 131.
- 5 WILSON C. *England's Apprenticeship, 1603–1763*. London: Longmans, 1965. P. 345. Верно, что фалмутские магистраты сообщили герцогу Ньюкаслу (16 ноября 1727 года), что «буйные оловянщики взломали и разграбили несколько погребов и амбаров с зерном». Их отчет завершается комментарием, свидетельствующим о том, что они не более, чем некоторые современные историки, были способны понять логику прямого действия оловянщиков: «поводом для этих бесчинств мятежники называли нехватку зерна в графстве, но это предположение, вероятно, ложно, так как большинство тех, кто уносил зерно, раздавали его или продавали за четверть цены» (Public Record Office (P.R.O.). S.P. 36/4/22).
- 6 ROSTOW W.W. *British Economy in the Nineteenth Century*. Oxford: Clarendon Press, 1948. P. 122–125. Среди наиболее интересных исследований, рассматривающими возможную связь между ценами, урожаями и народными беспорядками, см.: HOBBSWAM E.J. *Economic Fluctuations and Some Social Movements // Идем. Labouring Men*. London: Weidenfeld & Nicolson, 1964; ASHTON T.S. *Economic Fluctuations in England, 1700–1800*. New York: Oxford University Press, 1959.

пользовании завершает исследование в тот момент, когда оно только начинает представлять серьезный социологический или культурный интерес: что делают люди, будучи голодными (или будучи сексуально активными)? Как их поведение модифицируется обычаем, культурой и разумом? И (допустим, что «нужда» в роли главного стимула здесь действительно присутствует) способствует ли их поведение выполнению какой-либо более сложной, культурно опосредованной функции, которая не может быть редуцирована – как бы долго ее ни томили на огне статистического анализа – обратно к одному лишь стимулу?

Что делают люди, будучи голодными? Как их поведение модифицируется обычаем, культурой и разумом? И способствует ли их поведение выполнению какой-либо более сложной, культурно опосредованной функции, которая не может быть редуцирована к одному лишь стимулу?

Слишком многие из наших историков хозяйства виновны в грубом экономическом редукционизме, выхолащивающем сложность мотивов, поведения и функций, – против такого редукционизма они сами стали бы протестовать, заметить его в работах своих коллег-марксистов. Слабостью, которую разделяют все эти объяснения, является узкое представление о *homo economicus*. Что, пожалуй, вызывает удивление, так это шизофренический интеллектуальный климат, который позволяет квантитативной историографии сосуществовать (в тех же самых местах, а иногда и в тех же головах) с социальной антропологией, берущей начало в работах Эмиля Дюркгейма, Макса Вебера или Бронислава Малиновского. Мы все знаем о тонкой ткани социальных норм и взаимных обменов, которые регулирует жизнь тробрианцев, о психических энергиях, вовлеченных в меланезийские культы карго; но в какой-то момент это бесконечно сложное социальное существо – меланезийский человек – превращается (в наших историях) в английского угольщика XVIII века, который спазматически хлопает себя рукой по животу и реагирует на элементарные экономические стимулы.

«Спазматическому» взгляду я противопоставлю собственный взгляд⁷. Почти в каждом действии простонародья в XVIII веке

7 Мне очень помогло следующее новаторское исследование: ROSE R.B. *Eighteenth Century Price Riots and Public Policy in England* // International Review of Social History. 1961. Vol. VI. № 2. P. 277–292; а также: RUDÉ G. *The Crowd in History: A Study of Popular Disturbances in France and England, 1730–1848*. New York: Wiley, 1964.

можно обнаружить некое представление о легитимации, под которым я имею в виду то, что мужчины и женщины, находящиеся в толпе, были движимы верой в то, что они защищают традиционные права или обычаи, – и в целом в то, что они опирались на широкий общинный консенсус. Иногда этот народный консенсус подкреплялся определенной долей попустительства со стороны властей, но чаще всего солидарность была настолько сильна, что пересиливала чувства страха или пиетета перед властью.

Продовольственный бунт в Англии XVIII века был крайне сложной формой прямого, дисциплинированного и имеющего четкие цели народного действия. Насколько эти цели достигались – то есть насколько продовольственный бунт был успешной формой действия, – вопрос слишком запутанный, чтобы рассматривать его в рамках одной статьи; но этот вопрос можно по крайней мере поставить (а не отмахиваться от него отрицательным ответом, как это принято), но сделать этого нельзя до тех пор, пока не будут определены собственные цели бунтующих. Верно, что бунты провоцировались резким ростом цен, махинациями торговцев или голодом. Но недовольство по этим поводам функционировало в рамках народного консенсуса относительно тех практик в торговле, помоле зерна, выпечке хлеба и так далее, которые полагались легитимными или нелегитимными. Этот консенсус в свою очередь имел основание в целостном традиционном взгляде на социальные нормы и обязательства, на надлежащие экономические функции различных сторон внутри общины, которые взятые вместе могут конституировать своеобразную «моральную экономику бедноты». Попраание подобных моральных установок становилось поводом для прямых действий столь же часто, как и реальная нужда и голод.

В то время как эту моральную экономику нельзя назвать «политической» в современном смысле, ее нельзя назвать и внеполитической, поскольку она предполагала строго определенные и страстно отстаиваемые представления об общем благе. Эти представления находили и некоторую поддержку в патерналистской традиции властей, поскольку, циркулируя в народе, они всякий раз возвращались многократно усиленными, так что власти оказывались в какой-то степени заложниками простонародья. Таким образом, моральная экономика оказывала повсеместное влияние на государственное управление и мышление XVIII века и проявлялась не только в моменты беспорядков. Слова «бунт» недостаточно для описания данного феномена.

Подобно тому, как мы говорим о денежной связи (*cash-nexus*⁸), возникшей в результате промышленной революции, в определенном смысле мы можем говорить и о «хлебной связи» (*bread-nexus*), существовавшей в XVIII веке. Конфликт между деревней и городом опосредовался ценой на хлеб. Конфликт между традиционализмом и новой политической экономией вращался вокруг Хлебных законов. Если экономический классовый конфликт в Англии XIX века находил свое выражение в вопросах, связанных с заработной платой, то в Англии XVIII века практика прямых действий трудящихся чаще провоцировалась именно растущими ценами.

Это сверхчувствительное потребительское сознание сосуществовало с великой эпохой аграрных инноваций в зерновом поясе Востока и Юга. Годы, в которые английское сельское хозяйство достигло новых высот, были отмечены бунтами – или, как их часто называли современники, «инсurreкциями» или «восстаниями бедноты» – в 1709-м, 1740-м, 1756–1757-м, 1766–1767-м, 1773-м, 1782-м и, прежде всего, в 1795-м и 1800–1801 годах. Капиталистическая индустрия пыталась преуспеть на крайне всплывчивом рынке, где покупатели в любой момент могли собраться в мародерствующие банды, которые рыскали по сельской местности, или устроить на городской площади беспорядки с требованием установить «справедливую народную цену» на провизию. Состояние наиболее энергичной части капиталистических слоев зависело в конечном счете от продажи зерновых, мяса, шерсти; кроме того, мясо и зерновые должны были продаваться и доходить до миллионов потребителей с минимальным участием посредников. Таким образом, несовершенная работа рынка стала центральным местом в жизни нации.

На протяжении всего столетия белый хлеб отвоевывал позиции у более темных сортов из цельнозерновой муки. Это отчасти объяснялось теми статусными ценностями, которые стали приписываться белому хлебу, но не только ими. Это многоуровневая проблема, но можно кратко упомянуть некоторые ее аспекты. Пекарям и мельникам было выгодно продавать белый хлеб или муку тонкого помола, так как прибыль от этого была, как правило, выше. (По иронии судьбы, такая ситуация отчасти стала следствием патерналистской политики защиты потребителей, поскольку Ассиза⁹ на хлеб была призвана помешать пекарям извлекать прибыль из продажи хлеба для бедняков; следовательно, пекарь был заинтересован в том, чтобы произ-

8 Термин Томаса Карлейля. – *Примеч. перев.*

9 В данном случае – законодательный акт. – *Примеч. ред.*

водить как можно меньше «домашнего» хлеба и чтобы качество этого хлеба было низким¹⁰). В городах, где внимательно относились к подобным фальсификациям, темный хлеб вызывал подозрения, поскольку в нем легко было скрыть вредные добавки. Попытки властей в периоды дефицита навязать производство более грубых сортов встречали многочисленные трудности и часто – сопротивление как мельников, так и пекарей¹¹.

К концу века чувство статуса играло важную роль везде, где преобладал пшеничный хлеб и где ему угрожала более грубая смесь. Существует предположение, что рабочие, привыкшие к пшеничному хлебу, на самом деле не могли работать – страдали от слабости, несварения желудка или тошноты, – если их заставляли переходить на более грубые смеси¹². Даже перед лицом заоблачных цен 1795-го и 1800–1801 годов сопротивление многих трудящихся было непоколебимым¹³.

ЭДВАРД ПАЛМЕР ТОМПСОН
МОРАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА
АНГЛИЙСКОГО ПРОСТО-
НАРОДЬЯ В XVIII ВЕКЕ

Капиталистическая индустрия пыталась преуспеть
на крайне вспльчивом рынке, где покупатели
в любой момент могли собраться в мародерствующие
банды или устроить на городской площади
беспорядки с требованием установить «справедливую
народную цену» на провизию.

Когда цены были высоки, более половины недельного бюджета семьи рабочего могло уходить на хлеб¹⁴. Как же эти злаки попадали с полей, где они росли, в дома рабочих? На первый взгляд этот вопрос не вызывает трудностей. Вот зерно: его

10 FORSTER N. *An Enquiry into the Cause of the High Price of Provisions*. London, 1767. P. 144–147.

11 Данная проблема со всей ясностью обсуждается в: [GOVERNOR] POWNALL. *Considerations on the Scarcity and High Prices of Bread-Corn and Bread*. Cambridge, 1795. P. 25–27; см. также: LORD JOHN SHEFFIELD. *Remarks on the Deficiency of Grain Occasioned by the Bad Harvest of 1799*. London, 1800. P. 105–106. Здесь приводятся доказательства того, что в 1795 году «в Лондоне не выпекается “домашний” хлеб». Корреспондент из Хонитона в 1766-м описывал «домашний» хлеб как «смесь из перемолотых и просеянных ферментированных отрубей, к которой добавлена мука самого худшего качества»: Historical Manuscripts Commission. City of Exeter. Series lxixiii. P. 255. По этому очень сложному вопросу см. далее: WEBB S., WEBB B. *The Assize of Bread* // *Economic Journal*. 1904. Vol. 14. № 54. P. 203–206.

12 См., например, письмо лорда Хоксбери герцогу Портлендскому от 19 мая 1797 года (P.R.O. H.O. 42/34).

13 См.: SALAMAN R.N. *The History and Social Influence of the Potato*. Cambridge: Cambridge University Press, 1949. P. 493–517. Сопротивление распространилось от пшеничного Юга и Мидлендса до овсяного Севера; корреспондент из Стокпорта в 1795 году отмечал, что «была открыта весьма щедрая подписка с целью распределения овсянки и других продуктов среди бедных по сниженным ценам – эта мера, к сожалению, едва ли помогает простым людям, которые все еще шумят и настаивают на получении пшеничного хлеба» (P.R.O. W.O. 1/1094). См. также: HAMMOND J.L., HAMMOND B. *The Village Labourer*. London: Longmans, 1966. P. 119–123.

14 См. особенно бюджеты в: DAVIES D. *The Case of Labourers in Husbandry*. Bath, 1795; SIR FREDERICK EDEN. *The State of the Poor*. London, 1797; JONES D.J.V. *The Corn Riots in Wales, 1793–1801* // *Welsh History Review*. 1965. Vol. II. № 4. P. 347.

убирают, обмолачивают, везут на рынок, мелют на мельнице, выпекают и съедают. Но каждый пункт этого процесса высвечивает свои сложности, возможности для поборов и «точки возгорания», вокруг которых могли вспыхнуть бунты. Едва ли возможно двигаться дальше, не набросав схематично патерналистскую модель рынка и производственного процесса – традиционный платонический идеал, к которому апеллировали в статутах, памфлетах или в ходе протестных движений и который находился в противоречии с суровыми реалиями коммерции и потребления.

Патерналистская модель существовала в рамках подвергшегося эрозии статутного права, а также общего права и обычая. Эта модель очень часто определяла действия правительства в периоды чрезвычайных ситуаций вплоть до 1770-х, и к ней продолжали апеллировать многие местные магистраты. Согласно патерналистской модели, торговля должна быть, насколько это возможно, прямой: от фермера к потребителю. Фермерам следует привозить свое зерно оптом на местный рынок; они не должны были продавать урожай на корню, пока он еще находится в поле, и не могли удерживать зерно в надежде на рост цен. Рынки должны были контролироваться; продажи не могли начинаться до установленных сроков, о которых возвещал звон колокола; бедняки должны были иметь возможность первыми купить зерно, муку или крупу небольшими порциями, с надлежащим контролем мер и весов. В конкретный час, когда потребности бедняков оказывались удовлетворенными, звучал второй колокол – и к закупкам могли приступить более крупные (обладающие лицензией) торговцы. Торговцы были стеснены множеством ограничений, начертанных на замшелых пергаментных законах, кодифицированных еще в правление Эдуарда VI и запрещавших покупку зерна до его поступления на рынок или на пути к нему, перепродажу зерна на том же или ближайших рынках (*regrating*), а также монопольную скупку зерна (*engrossing*). Торговцы не должны были покупать зерно по образцам¹⁵ (а фермеры не должны были продавать его таким образом). Торговцам было запрещено покупать урожай на корню, равно как и покупать его с целью перепродажи (в течение трех месяцев) с выгодой для себя на том же или соседних рынках. На протяжении большей части XVIII века фигура посредника оставалась юридически подозрительной, а его действия были, в теории, жестко ограничены¹⁶.

15 То есть покупать зерно у фермеров, скрывающих от рынка общий объем имеющегося зерна и предъявляющих в частном порядке лишь образцы продукции. – *Примеч. перев.*

16 Лучшим обобщающим исследованием зерновой торговли в XVIII веке остается: WESTERFIELD R.B. *Middlemen in English Business, 1660–1760*. New Haven, 1915. Ch. 2; см. также: GRAS N.S.B. *The Evolution of the English Corn Market from the Twelfth to the Eighteenth Century*. Cambridge: Harvard University Press, 1915;

От рыночного надзора мы переходим к защите потребителей. Мельники и – в еще большей степени – пекари считались слугами сообщества, работающими не ради прибыли, а за справедливое вознаграждение. Многие бедняки покупали зерно прямо на рынке (или получали его в качестве дополнения к заработку или при сборе урожая); они несли его на мельницу для помола, где мельник мог взимать пошлину, а затем сами выпекали хлеб. В Лондоне и в тех крупных городах, где подобная практика давно перестала быть правилом, надбавка или прибыль пекаря рассчитывались строго в соответствии с Ассизой на хлеб, согласно которой цена или вес буханки устанавливались в зависимости от текущей цены на пшеницу¹⁷.

Эта модель, конечно, во многих пунктах расходилась с реалиями XVIII века. Тем более удивительно отмечать, насколько отдельные ее части были еще действенны.

Часто полагают, что продажа зерна по образцам стала повсеместной к середине XVII века, когда Бест описывает эту практику в Восточном Йоркшире¹⁸, и уж точно к 1725 году, когда Дефо представил свой отчет о торговле зерном¹⁹. Но, хотя в большинстве графств многие крупные фермеры осуществляли продажу по образцам, старые рынки были все еще распространены и сохранялись даже в окрестностях Лондона. Более мелкие фермеры, как и прежде, продолжали выставлять там свое зерно; и старая модель оставалась в умах людей, подпитывая их возмущение новыми рыночными механизмами. Раз за разом новые рыночные процедуры оспаривались; патерналисты и беднота жаловались на распространение рыночных практик, которые мы, оглядываясь назад, склонны считать неизбежными и «естественными»²⁰. Но то, что сейчас может казаться неизбежным, в XVIII веке вовсе не обязательно встречало одобрение. Автор одного из характерных памфлетов (1768) с негодованием восставал против предполагаемой свободы каждого фермера делать со своим имуществом все что ему заблагорассудится. Это была бы «естественная», а не «гражданская» свобода:

BARNES D.G. *A History of the English Corn Laws*. London: George Routledge and Sons, 1930; FAY C.R. *The Corn Laws and Social England*. Cambridge: Cambridge University Press, 1932; LIPSON E. *Economic History of England*. London: Black, 1956. Vol. II. P. 419–448; MOFFITT L.W. *England on the Eve of the Industrial Revolution*. London: P.S. King & Son Ltd, 1925. Ch. 3; FUSSELL G.E., GOODMAN C. *Traffic in Farm Produce in Eighteenth Century England* // *Agricultural History*. 1938. Vol. XII. № 2; BLACKMAN J. *The Food Supply of an Industrial Town (Sheffield)* // *Business History*. 1963. № 5.

¹⁷ WEBB S., WEBB B. *Op. cit.*

¹⁸ *Rural Economy in Yorkshire in 1641*. Surtees Society, 1857. P. 99–105.

¹⁹ *The Complete English Tradesman*. London, 1727. Vol. II. P. 2.

²⁰ Многочисленные примеры могут быть найдены в: Gentleman's Magazine. 1756. № XXVI. P. 534; ANON. [RALPH COURTEVILLE]. *The Cries of the Public*. London, 1758. P. 25; ANON. [«C.L.».]. *A Letter to a Member of Parliament Proposing Amendments to the Laws against Forestallors, Ingrossers, and Regraters* London, 1757. P. 5–8; *Museum Rusticum et Commerciale*. 1765. Vol. IV. P. 199; FORSTER N. *Op. cit.* P. 97.

«Это нельзя счесть свободой гражданина или того, кто живет под защитой какого-либо сообщества; это скорее свобода дикаря; поэтому тот, кто пользуется ею, не заслуживает той защиты, которую дает общественная власть».

Присутствие фермера на рынке является «существенной частью его долга; ему нельзя позволять тайно хранить или распоряжаться своими товарами где-то еще»²¹.

Насколько власти осознавали, что их модель отрывается от реальности? Ответ меняется в зависимости от того, о каких властях идет речь, но в целом можно сказать, что патерналисты признавали большую часть рыночных изменений в обычной ситуации, но всякий раз, когда она становилась чрезвычайной, они возвращались к старой модели. В этом отношении отчасти патерналисты были пленниками народа, который принял части этой модели как свое право и наследие (старины). Складывается впечатление, что подобная неоднозначность даже приветствовалась: в голодные годы она давала магистратам в беспокойных округах определенное пространство для маневра, а также служила негласной санкцией на то, чтобы пытаться снизить цены. Так, магистраты смогли внушить «страх Божий» местным мельникам и дилерам, когда Тайный совет (как это было в 1709-м, 1740-м, 1756-м и 1766 годах) распространил прокламации, напечатанные нечитаемым готическим шрифтом и грозящие суровыми наказаниями перекупщикам и посредникам.

Патерналистская модель была идеалом, но также, пусть и фрагментарно, существовала в реальности. В годы хороших урожаев и умеренных цен власти впадали в забывчивость. Но, если цены росли и беднота становилась буйной, старая модель возрождалась по крайней мере ради символического эффекта.

III

Мало какие интеллектуальные победы были столь сокрушительными, как та, которую одержали защитники новой политической экономии в вопросе регулирования внутренней торговли зерном. Эта победа казалась некоторым историкам настолько абсолютной, что они едва могут скрыть свое презрение к побежденной стороне²². Хотя на «Богатство народов» можно смотреть не только как на отправную точку, но и как на своего рода «центральный вокзал», где сходятся все важные

²¹ ANON. *An Enquiry into the Price of Wheat, Malt, etc.* London, 1768. P. 119–123.

²² См., например: GRAS N.S.B. *Op. cit.* P. 241; OLSON M. *Economics of the Wartime Shortage*. Durham: Duke University Press, 1963. P. 53.

линии дискуссий середины XVIII века (некоторые из них, такие как «Tracts on the Corn Trade» Чарльза Смита (1758–1759), были специально созданы для демонтажа старого патерналистского рыночного регулирования), для удобства в качестве модели новой политической экономии можно рассматривать концепт, предложенный в работе Адама Смита. Победу принципа *laissez-faire* в этой области – за четыре года до публикации «Богатства народов» – ознаменовали дебаты 1767–1772 годов, кульминацией которых стала отмена законов, запрещавших скупку товаров до поступления на рынок.

Это означало не столько появление новой модели, сколько создание антимодели – прямой противоположности тюдоровской политики «обеспечения», которая начала распадаться. Требование «неограниченной, ничем не сдерживаемой свободы торговли зерном» было и у Адама Смита²³. Новая экономика влекла за собой «деморализацию» теории торговли и потребления, по своим масштабам ничуть не уступавшую более широко обсуждавшемуся снятию ограничений на ростовщичество²⁴. Под «деморализацией» подразумевается не аморальность Смита и его коллег²⁵ или отсутствие заботы об общественном благе²⁶, а скорее то, что новая политическая экономия изгоняла из теории навязчивые моральные императивы. Старые памфлетисты были в первую очередь моралистами – и лишь во вторую экономистами. В новую же экономическую теорию вопросам морального устройства рынка вход закрыт, разве что в качестве преамбулы или патетического финала.

На практике удовлетворение интересов всех сторон и установление общего блага должно было обеспечиваться в новой модели исключительно за счет естественной работы спроса и предложения на свободном рынке. Предоставленный сам себе, рынок регулировался бы лучше, чем в любых других случаях: в течение года цена на зерно подстраивалась бы сама посредством рыночного механизма. Вскоре после сбора урожая

23 «Отступление» Адама Смита, «касающееся зерновой торговли и зерновых законов», содержится в главе 5 книги IV «Богатства народов» (Смит А. *Исследование о природе и причинах богатства народов*. М., Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1935. Т. 2. С. 90–109. – *Примеч. перев.*).

24 Этот вопрос рассматривает Ричардом Генри Тоуни, но он не является центральным для его аргументации: TAWNEY R.H. *Religion and the Rise of Capitalism*. London: John Murray; New York: Harcourt, Brace and Company, 1926.

25 Такое предположение, однако, высказывалось некоторыми оппонентами Смита. Один памфлетист, утверждавший, что хорошо знал Адама Смита, заявлял, будто тот говорил ему, что «христианская религия унижает человеческий разум» и что «содомия сама по себе – вещь морально нейтральная». В этом контексте могли восприниматься и его взгляды на торговлю зерном: ANON. *Thoughts of an Old Man of Independent Mind though Dependent Fortune on the Present High Prices of Corn*. London, 1800. P. 4.

26 На уровне намерений я не вижу причин не соглашаться с точкой зрения, высказанной в: COATS A.W. *The Classical Economists and the Labourer* // JONES E.L., MINGAY G.E. (Eds.). *Land, Labour and Population*. London: Arnold, 1967. Но интенция – плохая мера для оценки идеологических интересов и исторических следствий.

мелкие фермеры и все, кто должен был выплачивать заработную плату за его уборку и арендную плату Михайлова дня, обмолачивали бы свое зерно и везли его на рынок или продавали бы то, что уже было законтрактовано ранее. С сентября по Рождество можно было ожидать низких цен. Средние фермеры придерживали бы свое зерно в надежде на рост рынка до ранней весны; параллельно самые богатые фермеры и джентри, занимающиеся фермерством, придерживали бы часть своего урожая еще дольше – до периода с мая по август, – чтобы поймать рынок на пике. Таким образом, без всякого вмешательства государства национальные запасы зерна были бы удобно распределены при помощи ценового механизма на все 52 недели. Вмешательство посредников, контрактовавших урожай заранее, сделало бы распределение еще более эффективным. В годы неурожая цена на зерно могла подниматься до крайне некомфортных для потребителя высот; однако данное обстоятельство оказывалось подлинным благом, поскольку (помимо того, что это служило стимулом для импортеров) такой рост цен выступал эффективной формой нормирования потребления. Без него все запасы были бы съедены за первые девять месяцев года и в оставшиеся три месяца на смену нехватке зерна пришел бы реальный голод.

Народные предрассудки и активное вмешательство государства оказывались единственными причинами, способными вывести эту саморегулирующуюся экономику из строя²⁷. Зерно должно свободно течь из районов избытка в районы дефицита, следовательно, фигура посредника играла необходимую, продуктивную и достойную похвалы роль. Вмешательство в естественную структуру торговли могло вызвать локальный голод или отбить у фермеров желание наращивать производство. Что касается мельников, мучников, торговцев, пекарей и других, кого толпа записывала в «виновников» продовольственных сложностей, здесь действовала та же логика. Их торговля была конкурентной. В крайнем случае краткосрочные искажения цен, к которым могли привести их действия, нанесли бы ущерб им самим. Когда в конце века цены начали стремительно расти, панацеей оказалось не возвращение к регулированию торговли, а усиление огораживаний, распашка пустошей и улучшения в сельскохозяйственном производстве.

Не стоит и доказывать, что модель естественной и саморегулирующейся экономики, провиденциальная работа которой обеспечивала бы общее благо, является таким же суеверием,

27 Смит видел их неразрывно связанными: «Законы относительно хлеба можно сравнить с законами, касающимися религии. Люди чувствуют себя столь заинтересованными в том, что касается их существования в здешней жизни или их блаженства в жизни будущей, что правительство бывает вынуждено уступать их предрассудкам» (Смит А. *Указ. соч.* С. 105).

как и представления, лежащие в основании патерналистской модели, – хотя, как ни странно, это суеверие для некоторых экономических историков оказалось последним в списке тех, от которых они стремились отказаться. В некоторых отношениях модель Смита более точно соответствовала реалиям XVIII века, чем патерналистская; а по равновесию и масштабу интеллектуальной конструкции определенно превосходило ее. Но не следует упускать из виду обманчивого ореола эмпирической обоснованности, который несет в себе модель Смита. Если патерналистская модель апеллирует к моральной норме – к тому, какими должны быть взаимные обязательства людей, – то новая модель, казалось бы, утверждает: «вот оно, истинное устройство вещей, или оно было бы таковым, если бы государство не вмешивалось». И все же, если рассмотреть соответствующие разделы «Богатства народов», они производят впечатление не столько эмпирического исследования, сколько превосходного, не требующего стороннего эмпирического подтверждения логического рассуждения.

ЭДВАРД ПАЛМЕР ТОМПСОН
МОРАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА
АНГЛИЙСКОГО ПРОСТО-
НАРОДЬЯ В XVIII ВЕКЕ

Не стоит и доказывать, что модель естественной и саморегулирующейся экономики, провиденциальная работа которой обеспечивала бы общее благо, является таким же суеверием, как и представления, лежащие в основании патерналистской модели.

Когда мы рассматриваем реальную организацию торговли зерном в XVIII веке, эмпирического подтверждения нет ни для одной из моделей. Не было проведено детального исследования торговли²⁸; нет ни одного крупного исследования такой ключевой фигуры, как мельник²⁹. Даже ключевое допущение Смита, что высокие цены являются эффективным механизмом распределения ресурсов, остается не более чем его утверждением. Известно, что спрос на зерно или хлеб крайне неэластичен и, когда хлеб дорог, бедняки (как однажды напомнили одному высокопоставленному наблюдателю) не переходят на пирожные. По мнению некоторых современников, по мере роста цен рабочие могли съедать то же количество хлеба, но исключать иные продукты из своего рациона; они могли даже есть *больше* хлеба, чтобы компенсировать потерю в другом

28 См., однако: EVERITT A. *The Marketing of Agricultural Produce // The Agrarian History of England and Wales. Vol. IV. 1500–1640.* New York: Cambridge University Press, 1967; BAKER D. *The Marketing of Corn in the First Half of the Eighteenth Century: North-East Kent // Agricultural History Review.* 1970. Vol. 18. № 2.

29 Некоторая полезная информация содержится в: BENNETT R., ELTON J. *History of Corn Milling.* Liverpool: Simpkin, Marshall, Limited, 1898.

продовольствии. Из одного шиллинга в обычный год шесть пенсов могли уходить на хлеб, а еще шесть – на «грубое мясо и обилие огородной зелени»; но в период высоких цен весь шиллинг уходил бы на хлеб³⁰.

Подобные комментарии предлагаются не в опровержение Адама Смита, а для указания на те моменты, где следует проявлять осторожность, пока объем наших знаний не возрастет. Нужно лишь отметить, что модель *laissez-faire* эмпирически не доказана, по своей сути маловероятна и что существуют доказательства противоположной точки зрения.

IV

Если можно реконструировать четкие альтернативные модели, стоящие за политикой традиционалистов и политэкономов, то можно ли выстроить такую же модель для моральной экономики простонародья? Подобное предприятие представляется гораздо более сложным. Здесь мы сталкиваемся со сложной сцепкой рационального анализа, предрассудков и традиционных реакций на нужду. Невозможно в какой-либо конкретный момент четко выделить группы, которые охватывались бы подобной теорией. В их состав входили как люди, способные ясно излагать свои мысли, так и те, кто совершенно не владел словом, включая образованных и обладающих весом в обществе представителей.

С середины XVIII века каждый неурожайный год сопровождался потоком памфлетов и писем в прессу. Общей жалобой сторонников свободной торговли было то, что заблуждающиеся джентри подливают масло в огонь народного недовольства. В этом есть доля правды. Свое чувство легитимности просто-народье черпало именно из патерналистской модели. Многие джентльмены все еще подозрительно относились к фигуре посредника.

Были и другие, не менее чувствительные области, где народные жалобы подпитывались жалобами традиционалистов или городских профессионалов. Действительно, можно пред-

30 COLLINS E. *Lying Detected*. Bristol, 1758. P. 66–67. Это, по-видимому, подтверждается и данными о семейных бюджетах, собранными Дэвидом Дэвисом и сэром Фредериком Иденом (см. сн. 14), а также наблюдениями авторов XIX века: THOMPSON E.P., YEO E. (Eds.). *The Unknown Mayhew*. London: Merlin Press, 1971. App. II; PHELPS BROWN E.H., HOPKINS S.V. *Seven Centuries of the Prices of Consumables Compared with Builders' Wage Rates* // *Economica*. 1956. Vol. 23. № 92. P. 297–298. Тут выделяют только 20% общего семейного бюджета на мучные продукты, хотя бюджеты Дэвиса и Идена (составленные в годы высоких цен) показывают в среднем 53%. Это вновь указывает на то, что в такие годы потребление хлеба оставалось стабильным, но другие статьи расходов сокращались. В Лондоне к 1790-м, возможно, уже наблюдалась широкая диверсификация рациона. П. Колкухоун писал герцогу Портлендскому 9 июля 1795 года, что на рынке Спиталфилдс в изобилии представлены овощи – морковь, репа, и в особенности картофель, «этот великий заменитель хлеба» (P.R.O. P.C. 1/27/A.54).

положить, что если бунтующая или «устанавливающая цену» толпа и действовала согласно какой-либо последовательной теоретической модели, то это была избирательная реконструкция патерналистской модели – из нее брались те черты, которые были наиболее выгодны бедноте и сулили дешевое зерно. Эта модель была, однако, менее абстрактной и обобщенной, чем взгляды патерналистов. В свидетельствах, оставленных беднотой, видна конкретика: негодование и прямые действия вызывают именно этот мельник, этот дилер, эти фермеры, удерживающие зерно. Подобная конкретика, однако, была пронизана общими представлениями о правах, которые наиболее ясно раскрываются только при рассмотрении действий толпы. В одном отношении моральная экономика простонародья решительно порывала с патерналистской: народная этика санкционировала политику прямого действия, тогда как ценности порядка, лежащие в основе патерналистской модели, – категорически нет.

ЭДВАРД ПАЛМЕР ТОМПСОН
МОРАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА
АНГЛИЙСКОГО ПРОСТО-
НАРОДЬЯ В XVIII ВЕКЕ

В одном отношении моральная экономика простонародья решительно порывала с патерналистской: народная этика санкционировала политику прямого действия, тогда как ценности порядка, лежащие в основе патерналистской модели, – категорически нет.

Экономика бедных все еще была локальной и региональной, производной от экономики самообеспечения. Зерно должно потребляться в том регионе, где оно выращено, особенно в периоды его нехватки. Глубокое чувство возмущения на протяжении нескольких веков вызывал экспорт зерна во времена дефицита. За исключением Вестминстера, горных регионов или крупных овцеводческих районов, люди никогда не жили вдали от зерна. Мануфактурная промышленность была рассредоточена по сельской местности: угольщики шли на работу мимо зерновых полей; домашние работники оставляли свои станки и мастерские ради жатвы. Однако сильнейшее негодование в середине XVIII века вызывал именно экспорт за границу, который был субсидирован. Создавалось впечатление, что иностранцы получают зерно по ценам часто ниже английского рынка благодаря субсидиям, выплачиваемым из английских налогов. Отсюда та крайняя горечь, которая порой обрушивалась на экспортера: в нем видели человека, ищущего личную и бесчестную выгоду за счет собственного народа.

Негодование могло также вспыхнуть против дилера, чьи обязательства перед внешним рынком нарушали привычное

снабжение местного сообщества. Эти обиды связаны с уже отмеченными выше сетованиями на изъятие товаров из свободного рыночного оборота. По мере того, как торговцы отдалялись от Лондона и все активнее осваивали провинциальные рынки, они начали предлагать такие цены и закупать зерно в таких объемах, что фермеры уже не желали размениваться на скромные запросы бедноты. Дэвид Дэвис писал в 1795 году, касаясь в том числе тех случаев, когда бедняки переключали свои потребности с зерна на муку:

«Дела теперь не делаются таким образом, что фермер продает зерно в розницу по бушелю тому или иному бедняку; за исключением продажи в некоторых особых местах или в качестве одолжения собственным рабочим. [...] Ни мельник, ни мучной торговец не продадут рабочему меньше мешка муки ниже розничной цены в лавках; а кошелек бедняка редко позволяет ему купить целый мешок сразу»³¹.

Следовательно, рабочий был вынужден идти в мелкую розничную лавку, где цены были завышены³². Старые рынки приходили в упадок, а там, где они сохранялись, меняли свои функции.

То, что бедняки к концу века стали покупать меньше зерна на свободном рынке, также указывало на возросшую важность мельника, занимавшего в народном фольклоре на протяжении многих веков одновременно завидное и незавидное положение. С одной стороны, он слыл баснословно успешным распутником, чье мастерство, вероятно, увековечено в просторечном значении слова «помол» (*grinding*³³). Возможно, удобство деревянной мельницы, спрятанной в уединенном уголке у ручья, куда деревенские жены и девы приносили свое зерно для помола, а также его власть над жизненно важным ресурсом и статус в деревне, делавший мельника выгодной партией, – все это могло способствовать возникновению легенды вокруг данной фигуры. С другой стороны, это также сказывалось на его репутации. «Любить!» – восклицает Нелли Дин в «Грозовом перевале» – «Любить! Слыхано ли такое? С тем же успехом я могла бы говорить о любви к мельнику, который приходит раз в год покупать наше зерно». Если верить всему, что писалось о мельнике в те годы, его образ мало изменился со времен «Рассказа мажордома» Чосера. Но если мелкого сельского

31 DAVIES D. *Op. cit.* P. 33–34.

32 «Первое правило, которым руководствуется пекарь, появившись в приходе, состоит в том, чтобы опутать всех бедняков долгами; после чего он волен печь для них хлеб того веса и качества, какого ему заблагорассудится» (*Gentleman's Magazine*. 1756. № XXVI. P. 557).

33 Томпсон имеет в виду сленговое употребление слова *grinding* в значении «половой акт». – *Примеч. перев.*

мельника обвиняли в следовании причудливым средневековым обычаям – слишком больших мисках для сбора пошлины; муке, накапливавшейся в деревянном коробе жерновов, и так далее, – то его более крупного коллегу обвиняли в новых и гораздо более изощренных махинациях.

На одном полюсе мы все еще имеем маленькие сельские мельницы, взимающие пошлину по собственному обычаю, вокруг которых (даже там, где пошлина была заменена денежными выплатами) множились скандалы и предпринимались спорадические попытки их регулирования³⁴. Поскольку мельники начинали все чаще вести собственную торговлю и молоть зерно для нужд пекарей, у них оставалось мало времени для мелких клиентов с несколькими мешками зерна. Это обстоятельство вызывало бесконечные задержки, а также приводило к тому, что, когда муку, наконец, выдавали на руки, она могла оказаться смолотой из другого, гораздо более низкосортного зерна. (Можно встретить жалобы на мельников, которые покупали испорченное зерно за полцены и смешивали его с зерном своих клиентов³⁵.) В течение XVIII века переход многих мельниц на обслуживание промышленных нужд сделал положение оставшихся небольших мельниц более выгодным. Но эти мельники были, конечно, мелкой сошкой XVIII века. Предпринимателями иного порядка становились крупные мельники долины Темзы и крупных городов, которые вели активную торговлю мукой и солодом. Мельники не попадали под Ассизу на хлеб и могли в любой момент переложить на потребителя рост цен на зерно.

На первый взгляд может показаться странным, что деятельность и торговцев, и мельников оставалась среди поводов для волнений даже в конце века – когда во многих частях Мидлендса и Юга (и уж точно в городских районах) рабочие привыкли покупать хлеб в лавках пекарей, а не зерно или муку на рынке. Наши знания недостаточно глубоки, чтобы оценить динамику подобного перехода, хотя домашнее хлебопечение, конечно, сохранялось³⁶. Но даже там, где переход завершился, не следует недооценивать сложность ситуации и упрощать

ЭДВАРД ПАЛМЕР ТОМПСОН

МОРАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА
АНГЛИЙСКОГО ПРОСТО-
НАРОДЬЯ В XVIII ВЕКЕ

34 См.: MARKHAM P. *Syhoroc*. London, 1758. Vol. II. P. 15; BENNETT R., ELTON J. *Op. cit.* Vol. III. P. 150–165; показания Джона Спайри против мельника Миллбриг (1740) за взимание иногда 1/16, иногда 1/12, а иногда 1/8 части в качестве платы за помол: *West Riding Sessions papers, County Hall, Wakefield*.

35 GIRDLER J.S. *Observations on the Pernicious Consequences of Forestalling, Regrating and Ingrossing*. London, 1800. P. 102–106, 312.

36 См., например, ответы городов на запрос Тайного совета в 1796 году (P.R.O. P.C. 1/33/A.88): мэр Йорка: «бедняки могут выпекать свой хлеб в общих печах» (16 апреля); мэр Ланкастера: «каждая семья покупает свою муку и сама печет свой хлеб» (10 апреля); мэр Лидса: «[принято] покупать зерно или муку, замешивать свой хлеб и печь его самим или отдавать в пекарню за плату» (4 апреля). Обследование пекарей в районе Корби (Нортгемптоншир) в 1757 году показывает, что из 31 прихода в одном (Wilbarston) были четыре пекаря, в одном – три, в трех – два, в восьми – один, а в четырнадцати – ни одного постоянного пекаря (четыре не дали ответа) (Northamptonshire Rights and Equality Council. H(K) 170).

цели, которые ставило перед собой простонародье. Разумеется, случались десятки мелких бунтов у хлебных лавок, и толпа часто практиковала «установку цен» на хлеб. Но пекарь был единственным из всех (будь то лендлорд, фермер, торговый агент, перевозчик или мельник), кто напрямую имел дело с насущной нуждой в хлебе, кто находился в ежедневном контакте с потребителем. И он был больше, чем кто-либо другой, защищен зримыми атрибутами патернализма. Ассиза на хлеб четко и публично ограничивала законную прибыль пекарей (способствуя также тому, что торговля хлебом оставалась в руках многочисленных мелких торговцев с небольшим капиталом) и, таким образом, до некоторой степени оберегала их от народного гнева.

Психологический эффект Ассизы был значительным. Пекарь мог увеличить свою прибыль сверх надбавки, рассчитанной в Ассизе, только путем мелких уловок, часть из которых – вроде недовеса хлеба, подмешивания дешевой и испорченной муки – подлежала либо судебному преследованию, либо немедленному возмездию со стороны толпы. Пекарю иногда приходилось заботиться о собственных связях с общественностью, вплоть до привлечения толпы на свою сторону: когда Ханна Пейн из Кеттеринга пожаловалась судьям на недовес хлеба, пекарь «поднял против нее толпу... и сказал, что она заслуживает порки»³⁷. Без сомнения, пекари, знавшие своих покупателей, иногда жаловались на невозможность снизить цены и перенаправляли негодование на мельницу или зерновой рынок. Но в этот момент становится ясно, что мы имеем дело с гораздо более сложным паттерном действия, чем тот, который можно удовлетворительно объяснить личной встречей населения с конкретными мельниками, дилерами или пекарями. Необходимо выработать более широкий взгляд на действия толпы.

V

Было высказано предположение, что термин «бунт» является слишком грубым инструментом анализа стольких поводов для возмущения и конкретных инцидентов. Этот термин также не точен для описания народных действий. Если мы ищем характерную форму прямого действия, нам следует рассматривать не перепалки у лондонских пекарен и даже не большие столкновения, вызванные недовольством крупными мельниками, а «народные восстания» – наиболее заметные в 1740-м, 1756-м,

37 Допрос Ханны Пейн, 12 августа 1757 года (Ibid. H(K) 167(1)).

1766-м, 1795-м и 1800 годах, – в которых видную роль играли угольщики, оловянщики, ткачи и чулочники. Что примечательно в этих «инсurreкциях», так это, во-первых, их дисциплинированность и, во-вторых, тот факт, что они демонстрируют модель поведения, истоки которой следует искать столетиями ранее. Данная модель в XVIII веке усложняется, становится более изощренной и проявляет себя, казалось бы, спонтанно в разных частях страны и после большого количества спокойных лет. Центральным действием здесь является не разграбление амбаров и не расхищение зерна или муки, а акт «установления цены».

Эта модель воспроизводит – иногда с большой точностью – экстренные меры, предусмотренные на случай дефицита, которые в 1580–1630-х были кодифицированы в «Книге распоряжений». Они применялись в последние годы правления Елизаветы и в несколько пересмотренном виде вводились в действие Карлом I в 1630 году. Во время Елизаветы магистраты были обязаны посещать местные рынки:

«Если вы обнаружите, что завезено недостаточно продовольствия для обеспечения нужд упомянутых рынков, и в особенности нужд бедноты, вам надлежит отправиться в дома фермеров и прочих земледельцев... дабы осмотреть, какие запасы зерна – как обмолоченного, так и необмолоченного – у них остаются».

Затем они могли приказать фермерам прислать «надлежащее количество» зерна на рынок для продажи «по разумной цене». Судьи были уполномочены «устанавливать определенную цену за бушель любого вида зерна»³⁸.

«Книга распоряжений» наделяла магистратов (с помощью местных присяжных) полномочиями обследовать запасы зерна в амбарах и складах³⁹, отдавать приказы о поставке определенных количеств зерна на рынок и обеспечивать соблюдение законодательства о торговле, лицензировании и перекупке. Зерно не должно было продаваться нигде, кроме открытого рынка, «если только оно не предназначается для бедных ремесленников или поденщиков из вашего прихода, не имеющих возможности беспрепятственно добраться до торговых городов». Распоряжения 1630 года не давали судьям прямого права устанавливать цену, но предписывали им присутствовать на рынке и следить за тем, чтобы бедняки были «обеспечены необходимым зерном... по максимально льготным ценам, которых судьи только смогут добиться посредством убеждения». В чрезвычайных ситуациях власть устанавливать цену на зер-

38 *A Coppie of the Councells Her[e] for Graine Delyv'd at Bodmyn the Xith of May 1586*: Bodleian Library, Rawlinson MS. B 285. Fos. 66–67.

39 Пример см.: PAGE W. (Ed.). *Victoria County History*, Oxfordshire. London, 1907. Vol. II. P. 193–194.

но или муку находилась где-то посередине между принуждением и убеждением⁴⁰.

Это чрезвычайное законодательство пришло в упадок во время гражданских войн⁴¹. Но народная память, особенно в письменном обществе, является необычайно долгой. Едва ли можно сомневаться, что действия рабочих-текстильщиков Восточной Англии и Запада в XVIII века связаны прямой традицией с «Книгой распоряжений» 1630 года. Память грамотных людей была такой же долгой: сама «Книга распоряжений» неофициально переиздавалась в 1662-м и снова в 1758-м с предисловием, упоминающим нынешнее «нечестивое соглашение с целью создания дефицита»⁴².

Во многих акциях, особенно в старых мануфактурных регионах Востока и Запада, толпа заявляла, что, раз власти отказываются обеспечивать соблюдение «законов», она должна самостоятельно обеспечить их соблюдение. Во время широких волнений на Западе в 1766 году шериф Глостершира, джентльмен-суконщик, не скрывал своего уважения к бунтовщикам:

«[Они] направились к фермерскому дому и учтиво попросили хозяев обмолотить свою пшеницу, вывезти ее на рынок и продавать по пять шиллингов за бушель; получив подобное обещание, а вдобавок и немного провизии, о которой они даже не просили, бунтовщики удалились, не причинив ни малейшего насилия и не нанеся никакого оскорбления».

В других отчетах шерифа, мы встретим в основном похожие действия:

«В прошлую пятницу в этих краях по сигналу рожков поднялась толпа... состоящая исключительно из низших народных слоев,

- 40** Актом 1534 года Тайный совет был наделен правом устанавливать цены на зерно в чрезвычайных ситуациях. В несколько вводящем в заблуждение примечании Норман Грас (GRAS N.S.B. *Op. cit.* P. 132–133) утверждает, что после 1550-го это право не использовалось. Но в любом случае о нем не забыли: прокламация 1603 года, по-видимому, устанавливает цены (Columbia University Libraries. Seligman Collection. Proclamations, James I, 1603); «Книга распоряжений» (1630) завершается предупреждением, что, «если владельцы зерна... не будут охотно выполнять эти распоряжения», Его Величество «даст приказ об установлении приемлемых цен»; Тайный совет пытался сдерживать цены прокламацией в 1709-м (British Museum. Liverpool Papers. Additional Manuscript 38353. F. 195); и этот вопрос активно обсуждался в 1757-м (SMITH C. *Three Tracts on the Corn-Trade and Corn-Laws*. London, 1766. P. 29, 35). Помимо Ассизы на хлеб, сохранялись и другие возможности по установлению цен. В 1681 году на рынке в Оксфорде, контролируемом университетом, были установлены цены на масло, сыр, птицу, мясо, бекон, свечи, овес и бобы (*The Oxford Market // Collectanea*. Oxford, 1890. P. 127–128). Похоже, что Ассиза на эль в Мидлсексе прекратила действие в 1692 году (LIPSON E. *Op. cit.* Vol. II. P. 501), а в 1762-м пивовары получили право повышать цену «разумным образом»; но, когда в 1773-м было предложено повысить цену на полпенса за четверть, сэр Джон Филдинг написал графу Саффолку, что повышение «не может считаться разумным и подданные не подчинятся ему» (*Calendar of Home Office Papers*. 1773. P. 9–14; MATTHIAS P. *The Brewing Industry in England, 1700–1830*. New York: Cambridge University Press, 1959. P. 360).
- 41** См.: RAMSAY G.D. *Industrial Laissez-Faire and the Policy of Cromwell* // *The Economic History Review*. 1946. Vol. 16. № 2. P. 103–104; JAMES M. *Social Problems and Policy during the Puritan Revolution*. London: G. Routledge & Sons, 1930. P. 264–271.
- 42** *Seasonable Orders Offered from Former Precedents Whereby the Price of Corn*. London, 1662; перепечатку распоряжений Елизаветы см. в: MASSIE J. *Orders Appointed by His Majesty King Charles I*. London, 1758.

таких как ткачи, мастеровые, рабочие, подмастерья, мальчишки. [...] Они направились к мукомольной мельнице близ города... после чего начали разрезать мешки с мукой, раздавать и уносить ее, уничтожать зерно».

ЭДВАРД ПАЛМЕР ТОМПСОН

МОРАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА
АНГЛИЙСКОГО ПРОСТО-
НАРОДЬЯ В XVIII ВЕКЕ

Затем они посетили главные рынки, устанавливая цену на зерно. Три дня спустя шериф пишет:

«Они посетили фермеров, мельников, пекарей и лавки перекупщиков, продавая зерно, муку, хлеб, сыр, масло и бекон по своим собственным ценам. Они, как правило, возвращали выручку [то есть деньги] владельцам, а в их отсутствие оставляли для них деньги; они проявили большую дисциплинированность и пристойность там, где им не оказывали сопротивления, и отвечали гневом и насилием там, где им противостояли; при этом за ними почти не было замечено воровства, и, чтобы не допустить его в дальнейшем, они больше не позволяют женщинам и мальчишкам ходить вместе с ними».

После посещения мельниц и рынков вокруг Глостера, Страунда и Сайренсестера толпа разделилась на группы по 50–100 человек, которые разошлись по деревням и фермам, вскрывая амбары и требуя, чтобы зерно поставлялось на рынок по справедливым ценам. Одна из больших групп явилась к самому шерифу, сложила свои дубинки в тот момент, когда он обратился к ним по поводу их проступков, выслушала его с терпением, «радостно прокричала “Боже, храни короля!”», а затем снова подобрала дубинки и возобновила благое дело установления цены. Движение носило характер всеобщей забастовки целого суконного района: «бунтовщики заходят в наши мастерские... и заставляют всех мужчин, желают они того или нет, присоединиться к ним»⁴³.

Это была необычайно масштабная и дисциплинированная акция с неоднократно повторяющимися чертами. Так, движение толпы от рыночной площади к мельницам, а оттуда (как в «Книге распоряжений») к фермам, где проверялись запасы, после чего фермерам приказывали отправить зерно на рынок по цене, продиктованной толпой, – все это встречается повсеместно.

В 1766 году бродячая толпа в долине Темзы называла себя «Регуляторами». Перепуганный фермер позволил им спать в соломе у себя во дворе и «мог слышать из своей комнаты, как они рассказывали друг другу, кого больше всего напугали и где добились наибольшего успеха». Подобная модель сохраняется и в 1790-х: в Элсмире (Шропшир) толпа останавливала зерно по пути к мельницам и угрожала фермерам; в Форест-оф-Дин шахтеры обходили дома мельников и фермеров, вымогали день-

43 Письма У. Дэллоуэя, Бримсcombe, 17-е и 20 сентября 1766 года (P.R.O. P.C. 1/8/41).

ги «у людей, которых они встречали на дороге»; в Западном Корнуолле оловянщики посещали фермы с петлей в одной руке и соглашением о поставке зерна на рынок по сниженным ценам в другой⁴⁴.

Именно самоконтроль, а не беспорядок представляется здесь удивительным. Действия подобного рода, без сомнения, опирались на широчайший народный консенсус по поводу того, что цены должны регулироваться во времена дефицита и что наживающийся на дефиците человек ставит себя вне общества. Иногда толпа пыталась привлечь – убеждением или силой – магистрата, приходского констебля или другую авторитетную фигуру, чтобы те контролировали «народную таксацию».

Было бы глупо предполагать, что при столь масштабном прорыве традиционных бастионов сословной почтительности многие не воспользовались бы возможностью украсть товары. Но существуют многочисленные доказательства обратного поведения, некоторые из них поразительны. Кружевницы из Хонитона в 1766 году, отобрав зерно у фермеров и продав его по «народной» цене на рынке, вернули фермерам не только деньги, но и сами мешки. Толпа в Олдеме в 1800-м установила ограничение для каждого покупателя в два пека на человека. Во многих случаях, когда повозки останавливали на дорогах, их содержимое продавали, но вырученные деньги отдавали возчику⁴⁵.

В самом деле, чтобы поставить под сомнение линейный и «спазматический» взгляд на продовольственные волнения, достаточно указать на этот сохраняющийся мотив: мужчины и женщины, находясь на грани голода, нападали на мельницы и амбары не для того, чтобы украсть еду, но чтобы наказать владельцев. Зерно или муку неоднократно рассыпали по дорогам и канавам, сбрасывали в реку, разрушали оборудование мельниц и мельничные плотины. Подобное поведение вызывало у власти одновременно чувства негодования и изумления: оно казалось им симптомом неистового и замутненного нрава народа, чей мозг был воспален голодом.

Но были ли бедняки на самом деле такими глупыми? Можно предположить, что торговцы и мельники, одним глазом опасно следившие за народом, а другим – за максимизацией собственной прибыли, понимали суть дела значительно луч-

⁴⁴ См. описание подобных случаев в Норидже (1740) (Ipswich Journal. 1740. July 26), Дьюсбери (1740), Уэйкфилде (30 апреля 1740 года) (P.R.O. S.P. 36/50), долине Темзы (2 октября 1766 года) – в показаниях Бартоломью Фримена с фермы Бишем (P.R.O. T.S. 11/995/3707), Элсмире (1795) (P.R.O. W.O. 1/1089 fo. 359), Форесте-оф-Дин (24 июня 1795 года) – в свидетельстве Джона Тёрнер, мэра Глостера (P.R.O. W.O. 1/1087), Корнуолле (RULE J.G. *Some Social Aspects of the Cornish Industrial Revolution* // BURT R. (Ed.). *Industry and Society in the South-West*. Exeter: University of Exeter, 1970. P. 90–91).

⁴⁵ См.: ROSE R.B. *Op. cit.* P. 435; BUTTERWORTH E. *Historical Sketches of Oldham*. Oldham: J. Hirst, 1856. P. 137–139, 144–145.

ше, чем кабинетные теоретики. У бедноты были собственные источники информации. Эти люди работали в доках, водили баржи по каналам, управляли телегами и дежурили на заставах. Они трудились в зернохранилищах и на мельницах. Зачастую бедноте были известны такие местные реалии, о которых джентри не имели ни малейшего представления. Во многих случаях толпа безошибочно находила припрятанный хлеб, существование которого магистраты с чистой совестью отрицали. Даже если слухи порой были в высшей степени оторваны от фактического положения дел, они всегда опирались на какие-то реальные факты. Бедняки знали, что выкрутить богачам руки – единственный способ заставить последних уступить.

ЭДВАРД ПАЛМЕР ТОМПСОН
МОРАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА
АНГЛИЙСКОГО ПРОСТО-
НАРОДЬЯ В XVIII ВЕКЕ

Чтобы поставить под сомнение линейный и «спазматический» взгляд на продовольственные волнения, достаточно указать на сохраняющийся мотив: мужчины и женщины, находясь на грани голода, нападали на мельницы и амбары не для того, чтобы украсть еду, но чтобы наказать владельцев.

VI

Инициаторами беспорядков очень часто выступали женщины, являвшие собой, по-видимому, какой-то образчик первобытной представительницы своего пола, еще не столкнувшейся с грехопадением и не подозревавшей, что сможет встретить свое «освобождение» лишь через пару сотен лет. Роберт Саути писал про это:

«Женщины более склонны к мятежу. Они меньше боятся закона – отчасти из-за невежества, отчасти потому, что полагаются на привилегии своего пола, – и по этой причине во всех публичных беспорядках они первыми начинают свирепствовать и провоцируют насилие»⁴⁶.

Женщины также были сильнее вовлечены в непосредственную рыночную торговлю, наиболее чутко реагировали на колебания цен и быстрее остальных обнаруживали махинации с весом или качеством товаров.

Мелкие спонтанные волнения могли быть спровоцированы ритуализированным улюлюканьем или стенаниями под окна-

⁴⁶ *Letters from England*. London, 1814. Vol. II. P. 47. Женщины, помимо свирепости, обладали и другими средствами: полковник добровольческих отрядов сетовал, что «Дьявол в образе женщин теперь использует все свое влияние, чтобы склонить рядовых к предательству своих офицеров» (P.R.O. W.O. 1/1086).

ми лавок торговцев⁴⁷, перехватом повозки с зерном или мукой, проезжающей через людный центр, или простым скоплением грозной толпы. В ходе таких волнений очень быстро возникала ситуация торга: владелец провизии прекрасно знал, что при отказе добровольно принять цену, навязанную толпой (а его согласие делало любое последующее судебное преследование очень трудным), он рискует потерять весь свой товар.

В ходе более масштабных беспорядков все начиналось с формирования ядра, после чего остальные часто созывались рожком или барабанами. «В прошлый понедельник, – так начинает свое письмо шропширский магистрат в 1756 году, – угольщики из Броузли и др. населенных пунктов собрались, трубя в рожки, после чего направились к рынку Уэнлок». Структура толпы репрезентировала виды деятельности «низших слоев» в охваченных беспорядками районах. В Уитни (Оксфордшир) мы находим сведения о ткаче одеял, портном, жене трактирщика и слуге; в Сафрон-Уолден (Эссекс) – обвинения против двух воротниковых мастеров, сапожника, каменщика, плотника, пыльщика, чесальщика шерсти и девяти рабочих; в нескольких деревнях Девоншира – одну старую деву, двух ткачей, чесальщика шерсти, сапожника, кровельщика и десять рабочих; в деле Хэндборо упоминались плотник, каменщик, пыльщик и семь рабочих⁴⁸.

Важным отличием от Франции была относительная пассивность английских сельскохозяйственных рабочих в сравнении с активностью французских виноградарей и мелкого крестьянства. Сельские рабочие участвовали в бунтах, только когда какая-то другая группа (например угольщики) формировала первоначальное ядро или когда их собиралось вместе достаточное количество по какому-либо другому поводу.

По правде говоря, продовольственные волнения не требовали высокой степени организации, но нуждались в широком общинном консенсусе и унаследованном паттерне действия с его собственными целями и ограничениями. Устойчивость подобной формы действия заставляет задаться вопросом: насколько она была в каком-либо смысле успешной? Могла ли

47 Корреспондент с Розмари-Лейн (Лондон) 2 июля 1795 года жаловался, что его разбудили в 5 утра «самыми ужасными Стенаниями (как называет это толпа), но я бы назвал это Визгом» (P.R.O. W.O. 1/1089 fo. 719).

48 Уитни – информация Томаса Хадсона, 10 августа 1795 года (P.R.O. Assizes 5/116); Сафрон-Уолден – обвинительные акты за правонарушения 27 июля 1795 года (P.R.O. Assizes 35/236); Девоншир – календарь летнего выезда судей, 1795 год (P.R.O. Assizes 24/43; Хэндборо), информация Джеймса Стивенса, сборщика десятины, 6 августа 1795 года (P.R.O. Assizes 5/116). Все тринадцать беркширских бунтовщиков, судимых Специальной комиссией (1766), были описаны как «рабочие»; из 66 человек, представших перед Специальной комиссией в Глостере (1766), 51 был описан как «рабочий», 10 – как «жены рабочих», три – как «старые девы»; данные описания мало что раскрывают (G.B. *Deputy Keeper of Public Records, 5th Report (1844)*. App. ii. P. 198–199, 202–204). О Уэльсе (1793–1801) см.: JONES D.J.V. *Op. cit.* App. iii. P. 350. О Данди (1772) см.: LYTNE S.G.E. *The Tayside Meal Mobs* // *The Scottish Historical Review*. 1967. № XLVI. P. 34; под судом оказались носильщик, каменотес, три ткача и матрос.

она существовать на протяжении стольких десятилетий или даже столетий, если бы неизменно терпела неудачу в достижении собственных целей и не оставляла бы после себя ничего, кроме жертв на виселице и нескольких разрушенных мельниц? На этот вопрос крайне трудно ответить, но его необходимо поставить.

ЭДВАРД ПАЛМЕР ТОМПСОН
МОРАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА
АНГЛИЙСКОГО ПРОСТО-
НАРОДЬЯ В XVIII ВЕКЕ

**Продовольственные волнения не требовали
высокой степени организации, но нуждались
в широком общинном консенсусе и унаследованном
паттерне действия с его собственными целями и
ограничениями.**

VII

Может показаться, что в краткосрочной перспективе бунт и установление цен достигали целей, противоположных намеренным. Фермеры, будучи запуганными, отказывались иногда в течение нескольких недель привозить товары на рынок. Дефицит в других регионах, вероятно, усугублялся запретом на перемещение зерна внутри страны. Хотя можно найти примеры, когда бунты, казалось бы, приводили к падению цен, и примеры обратного, а также примеры, когда, по-видимому, не было существенной разницы между колебаниями цен в бунтующих и спокойных регионах, — но ни один из этих случаев, каким бы образом данные ни усреднялись или агрегировались, не отражает влияния фактора ожидания бунта на общую рыночную ситуацию⁴⁹.

Мы можем провести аналогию с войной. Непосредственная выгода от войны редко бывает значительной как для победителя, так и для побежденного. Но выгода, извлекаемая из угрозы войны, может быть весьма существенной; и все же угроза перестает быть таковой, если к самой войне так и не прибегают. Если рыночная площадь была такой же аренной классовой войны, какой стали фабрика и шахта в период промышленной революции, то угроза бунта влияла на торговую ситуацию не только в неурожайные годы, но и в годы умеренного урожая, не только в городах, известных своей склонностью к бунтам,

49 Детальное изучение краткосрочной динамики цен в связи с бунтами, предпринимаемое в настоящее время некоторыми исследователями с помощью компьютеров, поможет прояснить этот вопрос. Однако переменных здесь слишком много и часть из них (ожидание бунта, давление, оказываемое на арендаторов и торговцев, благотворительные подписки, использование средств из налога на бедных и тому подобное) с трудом квантифицируема, или данные по ним отсутствуют.

но и там, где власти традиционно стремились сохранить спокойствие. Как бы тщательно мы ни подвергали количественному анализу имеющиеся данные, он не сможет продемонстрировать, до какого уровня поднялись бы цены, если бы угроза бунта была полностью устранена.

Власти в районах, склонных к бунтам, часто проявляли хладнокровие и компетентность при обуздании беспорядков. Кому-то это позволит забыть, что бунт был бедствием, приводившим к глубокому нарушению социальных отношений в сообществе, последствия которого могли ощущаться годами. Магистраты в провинциях часто находилось в крайней изоляции. Войскам, если за ними посылали, могло потребоваться более двух-трех дней, чтобы прибыть – и толпа была прекрасно осведомлена об этом обстоятельстве.

Вопрос обеспечения порядка был отнюдь не прост. Недостаточность гражданских сил сочеталась с нежеланием использовать военную силу. Свойственная офицерам гуманность, а также правовая неопределенность ставили их в двусмысленное положение: военные полномочия должны были применяться в ситуации гражданских беспорядков. В итоге офицеры отнюдь не проявляли энтузиазма при выполнении этой «гнусной службы»⁵⁰. Если местные магистраты вызывали войска или санкционировали применение оружия, то им предстояло столкнуться с последствиями этого в виде гнева и ненависти местного населения – ведь они продолжали жить в этом округе и после ухода солдат. Магистраты могли получать письма с угрозами, им могли разбить окна или даже поджечь дом. Войска, расквартированные в городе, быстро становились непопулярными даже у тех, кто сперва вызвал их.

Бунт был бедствием. «Порядок», который устанавливался за бунтом, мог стать еще большим бедствием. Отсюда и тревога властей: требовалось либо предвосхитить событие, либо личным присутствием, уговорами и уступками пресечь его на ранней стадии. В письме от 1773 года мэр Пенрина, осажденный разгневанными оловянщиками, пишет, что город посетили триста человек «бандитов, с которыми мы были вынуждены вступить в переговоры и прийти к соглашению – отдать им зерно на одну треть дешевле его первоначальной стоимости»⁵¹. Такого рода торги на начальных этапах бунта часто сопровождалась уступками толпе.

Именно в таком контексте раскрывается функция бунта. В краткосрочной перспективе – хотя и это еще необходимо

50 «Самая гнусная служба, которую может оправдать только необходимость», виконт Баррингтон – Уэймуту, 18 апреля 1768 года (P.R.O. W.O. 4/83, fos. 316–317).

51 Пенрин (P.R.O. W.O. 40/17); Уорикшир (Wood H.C. *The Diaries of Sir Richard Newdigate, 1751–1806* // *Transactions of the Birmingham Archaeological Society*. 1962. № LXXVIII. P. 43).

доказать – он мог быть контрпродуктивным, но и поскольку являлся социальным бедствием, его следовало избегать любой ценой. Этой ценой могло быть достижение компромисса между взлетевшей рыночной ценой и традиционной «моральной» ценой, которую диктовала толпа. Такой компромисс находили благодаря вмешательству патерналистски настроенных властей, благоразумной сдержанности фермеров и торговцев или же благодаря прямому «откупу» от части бунтующих усилиями благотворительности и субсидий.

ЭДВАРД ПАЛМЕР ТОМПСОН
МОРАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА
АНГЛИЙСКОГО ПРОСТО-
НАРОДЬЯ В XVIII ВЕКЕ

VIII

Мы исследовали модель социального протеста, которая проистекает из консенсуса относительно моральной экономики общего блага во времена дефицита. Изучать ее на предмет открытых, четко артикулированных политических намерений, как правило, бесполезно, хотя они иногда возникали в силу случайных совпадений. Можно встретить бунтарские фразы, предназначенные, предположительно, для запугивания богачей производимым ими театральным эффектом.

Наиболее распространены были «уравнительные» угрозы и проклятия в адрес богатых. Так, авторы письма в Уитни (1767) уверяли судебных чиновников города в том, что народ не потерпит того, «как эти проклятые задыхающиеся от жира толстопузые мошенники адскими способами морят бедных голодом только ради того, чтобы они могли предаваться охоте, скачкам... и содержать свои семьи в гордыне и расточительстве». В основном это риторика, хотя это тот тип риторики, который сокрушительным образом корректирует представления историков о сословной почтительности и социальной солидарности в георгианской Англии⁵².

Впечатление подлинной осознанной политической мотивации возникает у нас только в 1795-м и 1800–1801 годах, когда в таких письмах и листовках часто считается якобинский отзвук. Но эти кризисный военный период (1800–1801) требует отдельного рассмотрения. Мы подходим к концу одной традиции, тогда как новая едва только наметилась. В эти годы альтернативная форма экономического давления – давление на заработную плату – становится более интенсивной. За языком подстрекательства мы находим нечто большее, чем риторику: подпольные профсоюзные организации, клятвы, призрачное общество «Объединенных англичан». Старая форма действия сохраняется в 1840-е и даже позже – она особенно глубоко

52 Уитни (London Gazette. 1767. № 10779); Бирмингем (P.R.O. W.O. 1/873); Колчестер (London Gazette. 1772. № 11304); Фэрем (London Gazette. 1767. № 10690); Херефорд (London Gazette. 1767. № 10717).

укоренилась на Юго-Западе⁵³. Но на территориях, охваченных промышленной революцией, старая форма действия поэтапно переросла в иные способы борьбы.

Была и другая причина, по которой 1795-й и 1800–1801 годы переносят нас на иную историческую территорию. Формы действия, которые мы рассматривали, зависели от определенного набора социальных отношений, определенного равновесия между патерналистскими властями и толпой. По двум причинам это равновесие было нарушено в годы войн. Во-первых, резкие антиякобинские взгляды джентри привели к новому страху перед любой формой народной самоорганизации. Магистраты были готовы видеть признаки мятежа в акциях по установлению цен даже там, где никакого мятежа не было. Страх вторжения породил отряды «волонтеров», что дало гражданским властям возможность разбираться с толпой гораздо более оперативно – не переговорами и уступками, а репрессиями⁵⁴. Во-вторых, легитимность таким репрессиям придавал триумф в умах центральных и местных властей идеологии новой политической экономии.

Земным провозвестником этого «небесного триумфа» стал министр внутренних дел, герцог Портлендский. В 1800–1801 годах он проявил невиданную ранее твердость не только в подавлении беспорядков, но и в порицании и наставлении тех местных чиновников, которые все еще придерживались старого патернализма. Средством против беспорядков были военные или добровольческие отряды; пресекать следовало даже щедрые сборы пожертвований на закупку дешевого зерна, поскольку это вело к истощению запасов. Уговоры фермеров или торговцев снизить цены оказывались преступлением против политической экономии. В апреле 1801 года герцог писал графу Маунт-Эджкамбу в связи полученными им сведениями о том, что власти графства оказали на фермеров давление:

«Ваша Милость должна извинить мне вольность, с которой я не оставляю незамеченным упомянутое вами соглашение, якобы добровольно заключенное фермерами Корнуолла, о поставках на рынки зерна и прочих продуктов питания по сниженным ценам. [...] Весь мой опыт... обязывает меня заявить, что любое подобное начинание не может быть оправдано естественным экономическим порядком и неминуемо, в самом скором времени, лишь усугубит ту самую нужду, которую это начинание призвано облегчить. Осмелюсь также утверждать, что, чем более общий и массовый харак-

53 См.: ROWE A. *The Food Riots of the Forties in Cornwall* // *Report of Royal Cornwall Polytechnic Society*. 1942. P. 51–67. Продовольственные бунты были в Шотландском высокогорье в 1847 году; в Тейнмуте и Эксетере в ноябре 1867-го; в Норидже в 1886-м («The Battle of Ham Run»).

54 WESTERN J.R. *The Volunteer Movement as an Anti-Revolutionary Force, 1793–1801* // *The English Historical Review*. 1956. Vol. LXXI. № 281.

тер оно приобретет, тем более пагубными окажутся его неизбежные последствия, поскольку подобное начинание неотвратимо препятствует Применению Капитала в Сельском хозяйстве»⁵⁵.

ЭДВАРД ПАЛМЕР ТОМПСОН
МОРАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА
АНГЛИЙСКОГО ПРОСТО-
НАРОДЬЯ В XVIII ВЕКЕ

«Естественный экономический порядок», который когда-то, во времена дефицита, обеспечивал хотя бы символическую солидарность между классом управленцев и беднотой, теперь диктовал солидарность между этим классом и «Применением Капитала». Весьма закономерно, что именно тот идеолог, который соединил истеричный антиякобинизм с новой политической экономией, подписал смертный приговор тому самому патернализму, верным жрецом которого он выступал в своих наиболее показных риторических пассажах. «Трудящиеся бедняки!» – восклицал Бёрк:

«Пусть сострадание будет проявлено в делах, [...] но давайте обойдемся без скорби по поводу их положения. Это никак не поможет преодолеть тех жалких обстоятельств, в которых они оказались. Она нанесет лишь оскорбление их жалкому рассудку... Терпение, труд, трезвость, бережливость и религия должны быть рекомендованы им, все остальное – наглый обман»⁵⁶.

IX

Я надеюсь, что это повествование позволило сформировать несколько иную картину, отличную от привычной. Я попытался описать не произвольный «спазм», а такую модель поведения, которой не устыдился бы и житель Тробрианских островов.

Весьма трудно вообразить моральные предпосылки социальной конфигурации, отличной от нашей. Нам непросто представить, что было время, когда внутри меньшего по размеру и более интегрированного сообщества казалось «неестественным» наживаться на нуждах других и считалось само собой разумеющимся, что в неурожайные годы цены на жизненно необходимые товары должны оставаться на обычном уровне, даже если повсюду их количество уменьшилось.

«В экономике средневекового города, – писал Ричард Генри Тоуни, – общественное сознание приписывало потреблению

55 Герцог Портлендский, 25 апреля 1801 года (P.R.O. H.O. 43/13. P. 24–27). 4 октября 1800 года он писал вице-канцлеру Оксфордского университета (доктору Марлоу) об опасности того, что народ «поддается заблуждению, будто причиной его лишений служит алчность и хищническое поведение тех, кого – вместо того, чтобы клеймить скупщиками, – правильнее было бы назвать поставщиками и предусмотрительными управителями Общества» (University of Nottingham. The Portland Manuscripts. PwV 111).

56 БУРКЕ Е. *Thoughts and Details on Scarcity, Originally Presented to the Rt. Hon. William Pitt in ... November, 1795.* London, 1800. P. 4. Этот памфлет повлиял как на премьер-министра Уильяма Питта-младшего, так и на герцога Портлендского и, возможно, способствовал более жесткой политике 1800 года.

примерно те же свойства решающего арбитра любых экономических усилий, какие XIX век приписывал прибыли»⁵⁷. Подобные установки, конечно, начали сталкиваться с серьезными испытаниями задолго до XVIII столетия. Однако в наших исторических трудах мы слишком часто искусственно сжимаем эти великие переходные эпохи. Мы оставляем перекупщиков и доктрину «справедливой цены» в XVII веке, после чего подхватываем историю рыночной экономики в веке XIX. Однако смерть старой моральной экономики снабжения была столь же затяжной, как и смерть патерналистской практики вмешательства в промышленность и торговлю. Потребитель отстаивал свои старые представления о праве с тем же упрямством, с каким (возможно, тот же самый человек, но в другой роли) защищал свой ремесленный статус.

Эти представления о праве были четко сформулированы. Долгое время они несли на себе печать церковного благословения. «Книга распоряжений» 1630 года предусматривала моральное наставление и пример как интегральную часть чрезвычайных мер:

«Чтобы Судьи в своих округах пускали в ход все благие средства и уговоры, а в церквях звучали наставления и увещевания в проповедях... чтобы Бедные могли снабжаться Зерном по приемлемым и милосердным Ценам. И дабы способствовать этому, пусть Христианское Милосердие искренне побуждает Состоятельных людей продавать свой Хлеб неимущим ниже обычных Рыночных Цен: это милосердный поступок, который, несомненно, будет вознагражден Всемогущим Богом».

Сегодня мы не обращаем внимания на грабительские механизмы нерегулируемой рыночной экономики, поскольку они причиняют большинству из нас лишь неудобства и незначительные трудности. В XVIII веке все было иначе. Нехватка продовольствия была истинной нехваткой. Высокие цены сопровождались вздутыми животами и больными детьми, чьей едой был грубый хлеб из некачественной муки. Пока не опубликовано свидетельств, указывающих на присутствие в Англии XVIII века чего-то подобного классическому *crise des subsistances*: смертность в 1795-м определенно не приближалась к французским показателям того же года⁵⁸. Однако существовал феномен, который джентри описывали как «по-настоящему мучительную» нужду: растущие цены «сняли одежду с их [бедняков] спин, сорвали башмаки и чулки с их ног и вырвали пищу из их уст»⁵⁹.

57 TAWNEY R.H. *Op. cit.* P. 33.

58 Это обстоятельство не означает, что такие свидетельства не могут вскоре появиться в отношении локальных или региональных демографических кризисов.

59 *Annals of Agriculture*. 1795. Vol. XXIV. P. 159 (свидетельство из Данму, Эссекс).

Но насколько рынок был местом, где трудящиеся чаще всего ощущали влияние эксплуатации, то настолько же он был местом – особенно в сельских или рассредоточенных мануфактурных районах, – где им было легче всего самоорганизоваться. Рыночные отношения в зрелом индустриальном обществе становятся все более безличными. В Британии или Франции XVIII века (как и в частях Южной Италии, на Гаити, в сельской Индии или Африке сегодня) рынок был не только экономическим, но и социальным узлом, местом, где совершались сотни общественных и личных взаимодействий, где распространялись новости, ходили слухи и сплетни. Политика если и обсуждалась, то в трактирах или винных лавках вокруг рыночной площади. Рынок был местом, где люди, благодаря своей многочисленности, чувствовали на мгновение, что они сильны⁶⁰.

ЭДВАРД ПАЛМЕР ТОМПСОН
МОРАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА
АНГЛИЙСКОГО ПРОСТО-
НАРОДЬЯ В XVIII ВЕКЕ

Непросто представить, что было время, когда внутри меньшего по размеру и более интегрированного сообщества казалось «неестественным» наживаться на нуждах других и считалось само собой разумеющимся, что в неурожайные годы цены на жизненно необходимые товары должны оставаться на обычном уровне.

«Не заграждай рта волу, когда он молотит». Прорыв новой политической экономии свободного рынка был одновременно и крахом старой моральной экономики снабжения. Все, что от нее осталось после войн, – это благотворительность и Спинхемлендская система⁶¹. Моральная экономика простонародья умирала дольше: ее подхватили первые кооперативные мельницы, некоторые оуэнисты, после чего она годами теплилась где-то в недрах Кооперативного оптового общества. То, что мы так долго позволяли себе принимать урезанную «экономистскую» картину продовольственного бунта как прямого, «спазматического», иррационального ответа на голод, является одним из симптомов ее окончательной кончины. Картину, которая сама по себе является продуктом политической эко-

⁶⁰ См.: MINTZ S. *Internal Market Systems as Mechanisms of Social Articulation // Intermediate Societies, Social Mobility and Communication*. Seattle: University of Washington Press, 1959; IDEM. *Peasant Markets // Scientific American*. 1960. Vol. 203, № 2. P. 112–122.

⁶¹ Система социальной поддержки бедняков в случае, если их заработок оказывался ниже прожиточного минимума. Принята в 1795 году в английском городе Спинхемленде, отменена в 1834-м из-за упреков в многочисленных махинациях, связанных с занижением зарплаты работников работодателями для получения денег из городского бюджета. Считается прообразом так называемого «безусловного базового дохода». – *Примеч. перев.*

номии, умаляющей представления о человеческой реципрокности до «денежной связи» через заработную плату. Более благородной и авторитетной можно считать оценку шерифа Глостершира в 1766 году. Бунтующие толпы черни, как он писал, совершили много насилия, «порой из бездумной жестокости и склонности к крайностям, но в других случаях это были акты мужества, мудрости и справедливости, весьма последовательные в своих намерениях достичь того, на что они открыто претендовали»⁶².

Перевод с английского Вадима Салиева

62 Дэллоуэй, 20 сентября 1766 года (P.R.O. P.C. 1/8/41).